

КРИСТИН ХАННА

ЖЕНЩИНЫ

РОМАН

Перевод с английского

Марии Териной



phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Х19



THE WOMEN by KRISTIN HANNAH

Copyright © 2024 by Kristin Hannah

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Перевод с английского *Марии Териной*

Редактор *Игорь Алюков*

Оформление обложки *Елены Сергеевой*

Кристин Ханна

X19 Женщины: Роман / Пер. с англ. М. Териной. — М.: Фантом Пресс, 2025. — 464 с.

Новый роман Кристин Ханна — история молодой медсестры Фрэнсис Макграт, которая в составе сухопутных войск отправилась на Вьетнамскую войну. Фрэнки выросла на острове Коронадо в привилегированной, консервативной семье. Она всегда следует правилам, прилежно учится и хочет лишь, чтобы родители ею гордились. Ее мир — мир богатства и благополучия, мир, где призвание женщины — украшать жизнь влиятельного и сильного мужчины. Но однажды все меняется, в 1966 году ее старший брат уезжает во Вьетнам, и через полгода она решает последовать за ним.

Фрэнки так же молода и неопытна, как и большинство американских солдат. Она совершенно не готова оказаться в охваченной хаосом и войной стране, но постепенно привыкает и набирается опыта, находит друзей, любовь и призвание. Однако Вьетнам — это только начало, настоящая битва ждет главную героиню после возвращения в раздираемую протестами страну. В страну, которая хочет забыть о Вьетнаме. Новый роман Кристин Ханна проливает свет на судьбы женщин, подвергавших себя опасности, рисковавших жизнью, но забытых и отодвинутых в тень ветеранов-мужчин. Сразу после выхода роман стал главным бестселлером США, на долгие месяцы прочно обосновавшись на первой строке списков бестселлеров.

ISBN 978-5-86471-992-3

© Мария Терина, перевод, 2025

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Остров Коронадо, Калифорния Май 1966 г.

Дом семьи Макграт, обнесенный забором с большими воротами, заключал в себе целый мир, уединенный и безопасный. В ранних сумерках решетчатые окна тюдоровского особняка блестели, словно драгоценные камни, среди пышной зелени сада. Пальмовые листья покачивались на ветру, в бассейне плавали маленькие свечи, ветви большого калифорнийского дуба были украшены золотыми фонариками. Официанты в черных костюмах предлагали хорошо одетым гостям шампанское на серебряных подносах, в стороне негромко играло джазовое трио.

Двадцатилетняя Фрэнсис Грэйс Макграт знала, чего от нее ждут этим вечером. Она должна быть воплощением благовоспитанной молодой леди, улыбчивой и невозмутимой. Лишние эмоции следовало держать при себе, скрывать под маской спокойствия. Правила приличия Фрэнки усвоила с самого детства — об этом позаботились дома, в церкви и в женской школе Святой Бернадетты. Беспорядки по всей стране, протесты на улицах и в студенческих кампусах — все это было для нее чуждым, далеким миром, таким же непостижимым, как и конфликт во Вьетнаме. Фрэнки кружила среди гостей, потягивала холодную кока-колу, иногда останавливалась, чтобы поболтать с друзьями родителей, стараясь улыбаться и надеясь, что ее тревогу никто не заметит. Все это время она искала в толпе своего брата Финли, который опаздывал на собственный праздник.

Фрэнки боготворила старшего брата. Несмотря на разницу в два года, они с детства были неразлучны и очень похожи: оба темноволосые и голубоглазые. Каждое долгое лето они гоняли на великах по сонному острову Коронадо, предоставленные сами себе, и возвращались домой уже после захода солнца.

А теперь Финли уезжает и не может взять ее с собой.

Рев автомобильного двигателя нарушил мирное течение вечеринки, несколько машин просигналили в унисон.

Фрэнки заметила, как мама вздрогнула от резкого звука. Бетт Макграт терпеть не могла все показное и вульгарное и уж точно не считала, что о своем прибытии нужно возвещать гудками.

Через пару минут Финли с шумом распахнул задние ворота — привлекательное лицо раскраснелось, черные кудри растрепались. Он стоял в обнимку со своим лучшим другом Раем Уолшем, оба еле держались на ногах и громко смеялись — было видно, что они порядком выпили. Вслед за ними ввалилась шумная компания их друзей. Мама направилась к толпе хохочущих парней и девушек — в элегантном черном платье, со стильно уложенными волосами она выглядела безупречно. Бабушкин жемчуг напоминал о том, что когда-то Бетт Макграт была Бетт Александер из Ньюпорт-Бич.

— Мальчики, — любезно сказала она, — спасибо, что почтили нас своим присутствием.

Финли отпустил Рая и попытался встать ровно.

Папа махнул музыкантам, чтобы те перестали играть. Сад наполнился весенними звуками ночного Коронадо — тихим мурлыканьем океана, шелестом пальмовых листьев над головой, лаем собак где-то на пляже. Папа вышел вперед, в одной руке он держал сигарету, в другой — стакан с коктейлем «Манхэттен». На нем был черный костюм, такого же цвета галстук и белоснежная рубашка. Коротко стриженный, с квадратным подбородком, он выглядел как бывший боксер, который, став знаменитым, научился хорошо одеваться, — что было не так уж далеко от истины. Мама с папой выделялись даже в этой толпе нарядных и красивых людей — от них веяло успехом. Мама родилась в богатой, влиятельной семье и сразу оказалась наверху

социальной лестницы, папа же забрался туда сам и уверенно встал рядом.

— Дорогие родственники, друзья и недавние выпускники академии, — громко сказал папа.

Когда Фрэнки была маленькой, он говорил с легким ирландским акцентом, но теперь от него не осталось и следа. Вокруг своей иммиграции папа выстроил целую легенду — легенду о тяжелом труде и заслуженном успехе. О деньгах и возможностях, которые ему принесла женитьба на дочери босса, он обычно не упоминал, но все и так об этом знали. А еще все знали, что после смерти тестя и тещи он увеличил семейное состояние почти втрое, скупая и строя недвижимость по всей Калифорнии.

Он обнял свою стройную жену и притянул поближе к себе — насколько она позволяла на людях.

— Спасибо вам, что пришли! Сегодня мы говорим бон вояж нашему дорогому Финли. — Папа улыбнулся. — Больше никаких безумных гонок и полицейских участков в два часа ночи.

Послышались вежливые смешки. Все здесь прекрасно знали, какой извилистой дорогой Финли шел во взрослую жизнь. С детства он был всеобщим любимчиком, сорванцом, способным растопить даже самое холодное сердце. Над его шутками всегда смеялись, девочки не давали ему проходу. Все просто обожали Финли, хотя с ним бывало нелегко. В четвертом классе его оставили на второй год — в основном из-за проблем с дисциплиной. Порой он даже в церкви позволял себе выходки, а когда подросток, стал увлекаться девчонками в коротких юбках и с сигаретами в сумочках. Как только смех затих, папа продолжил:

— Выпьем же за Финли и его великое приключение. Мы очень гордимся тобой, сынок!

Официанты принесли еще шампанского «Дом Периньон», и все подняли бокалы. Гости окружили Финли, мужчины хлопали его по плечу и поздравляли, девушки пытались пробиться вперед, чтобы привлечь его внимание.

Папа снова махнул музыкантам, и те заиграли. Почувствовав себя лишней, Фрэнки ушла в дом. На огромной кухне официанты деловито раскладывали канале по подносам.

Фрэнки свернула в кабинет отца, ее любимую комнату в доме. Большие кожаные кресла, скамеечки для ног, два огромных книжных шкафа и массивный письменный стол. Она включила свет. В комнате пахло кожей, сигарами и дорогим лосьоном после бритья. На столе аккуратными стопками лежали проектные планы и разрешения на строительство. Одна из стен в кабинете была отведена семейной истории. В основном там висели фотографии, доставшиеся маме от родителей, но были и те, что папа прихватил с собой из Ирландии. В центре — фотография прадедушки Макграта в военной форме, он отдавал честь. Рядом в рамке висела медаль, которую дедушка Франсис получил за участие в Первой мировой. Свадебная фотография родителей располагалась между «Пурпурным сердцем» дедушки Александра и газетной вырезкой с изображением корабля, на котором он служил в конце войны. На стене не было ни одного снимка отца в форме. К его великому стыду, он оказался не годен для военной службы. Он до сих пор об этом сокрушался, но только в кругу семьи и только когда выпьет. После войны он убедил маминого отца начать строить доступное жилье для ветеранов в Сан-Диего. Папа назвал это личным вкладом в военные нужды, предприятие оказалось весьма успешным. В папиных речах сквозило столько боевой гордости, что со временем жители Коронадо будто совсем забыли, что он не служил. Фотографий Финли и Фрэнки здесь пока не было. Отец считал, что место на этой стене нужно заслужить.

Вдруг дверь за спиной Фрэнки тихо открылась и кто-то сказал:

— Ой, прости. Не хотел мешать.

Она повернулась и увидела Рая Уолша. В одной руке у него был коктейль, в другой — пачка сигарет «Олд голд». Наверняка искал укромное место, чтобы покурить.

— Я тут прячусь от вечеринки, — сказала она. — Праздновать нет настроения.

Он оставил дверь открытой.

— Кажется, я занят тем же. Ты, наверное, меня не помнишь...

— Джозеф Райерсон Уолш по прозвищу Рай. Тот самый рай на земле. — Фрэнки попыталась улыбнуться, именно так он

представился ей прошлым летом. — И почему ты прядешься? Вы же с Финном не разлей вода. И вы оба так любите вечеринки.

Он прошел в комнату, и ее сердце забилося быстрее. Так случалось каждую их встречу, хотя они никогда даже толком не разговаривали. Вот и теперь ей нечего было сказать, она чувствовала себя одинокой и брошенной.

— Я буду скучать по нему, — тихо сказал Рай.

Она поняла, что сейчас заплачет, и быстро отвернулась. Рай приблизился и встал рядом. Они вместе разглядывали фотографии и награды семьи Макграт. Мужчины в форме, женщины в свадебных платьях, медали за храбрость и боевые ранения, сложенный треугольником американский флаг, который подарили ее бабушке по отцовской линии.

— Почему здесь почти нет женщин, а те, что есть, в свадебных платьях? — спросил Рай.

— Это ведь стена героев. Мы чтим память тех, кто служил своей стране.

— Женщины тоже могут быть героями. — Он закурил.

Фрэнки рассмеялась.

— Что тут смешного?

Она повернулась к нему, вытирая слезы.

— Я... ну... ты же не думаешь...

— Думаю, — сказал он и посмотрел на нее так пристально, как не смотрел еще ни один мужчина. У нее перехватило дыхание. — Фрэнки, сейчас шестьдесят шестой год. Мир меняется.

Через несколько часов гости постепенно начали расходиться, а Фрэнки все обдумывала слова Рая.

Женщины тоже могут быть героями.

Раньше ей никто такого не говорил. Ни учителя в школе Святой Бернадетты, ни родители. Ни даже Финли. И почему Фрэнки никогда не приходило в голову, что девочке — женщине — тоже есть место среди героев в кабинете отца, что женщина может изобрести или открыть нечто важное или стать медсестрой и спасти солдат на поле боя?

Эта мысль противоречила всем ее представлениям о мире и о себе. Монахини, учителя и родители годами твердили ей, что дело женщины — заботиться и помогать.

Учительница. Медсестра. Стенографистка. Вот подходящее будущее для девушки вроде нее. Всего неделю назад мама, услышав о трудностях Фрэнки с биологией, мягко сказала: «Кому есть дело до лягушек, Фрэнсис? Ты ведь будешь медсестрой лишь до замужества. Кстати, пора бы об этом подумать. Перестань гнаться за знаниями, замедли темп. Кому нужен этот досрочный выпуск? Ты лучше почаще ходи на свидания». Фрэнки внушали, что ее работа — быть хорошей хозяйкой, растить послушных детей и следить за домом. В католической школе их целыми днями учили правильно утюжить швы, красиво складывать салфетки и сервировать стол. Среди ее однокурсниц и подруг из женского колледжа Сан-Диего мятежных настроений не наблюдалось. Девочки шутили, что пришли сюда только за «степенью миссис». Фрэнки и сама с трудом могла объяснить, для чего ей медицинское образование. Все, что ее по-настоящему волновало, — это хорошие оценки и одобрение родителей.

Когда музыканты сложили инструменты, а официанты стали убирать бокалы, Фрэнки сняла босоножки и вышла за ворота. Босиком она пересекла пустой бульвар Оушен — широкую мощеную улицу между пляжем и домом родителей.

Впереди открывался золотистый песчаный пляж Коронадо. Слева — знаменитый отель «Дель Коронадо», а справа — авиабаза «Северный остров», которую недавно начали именовать родиной военно-морской авиации.

Прохладный ночной ветерок норовил растрепать пышную прическу, но каждая прядь была намертво закреплена толстым слоем лака.

Фрэнки села на холодный песок, обхватила руками колени и посмотрела на океан. Над водой висела полная луна. Неподалеку мерцал оранжевый огонек пляжного костра, ночной воздух был наполнен запахом дыма.

Как женщине открыть для себя целый мир? Как отправиться в путешествие, не имея билета и даже приглашения? Для Финли это легко — дорожку давно протоптали. Он просто должен делать то, что делали все мужчины в их семье: служить своей стране и затем управлять бизнесом по недвижимости. А удел Фрэнки — замужество и материнство.

Сзади послышался чей-то смех и шорох шагов по песку. Светловолосая девушка сбросила туфли и плюхнулась в воду. Следом бежал Рай, не снимая ботинок, он с хохотом бросился в океан. Кто-то фальшиво напевал «Шагай как мужчина»*.

Рядом с Фрэнки уселся пьяный Финли и привалился к ее плечу.

— Где ты была весь вечер, рыбка? Я скучал.

— Привет, Фин, — тихо сказала она и прижалась к нему.

На нее нахлынули детские воспоминания: как они строили песчаные замки на пляже, как покупали фруктовый лед в дребезжащем фургоне мороженщика, который разъезжал по бульвару Оушен все лето, как под палящим солнцем они ждали хорошей волны — часами сидели на доске для серфинга, свесив ноги в воду и делясь друг с другом самым сокровенным.

Всегда вместе. Лучшие друзья.

Финли хотел бы, наверное, чтобы на прощанье она с улыбкой сказала ему, как сильно им гордится. Но она не могла этого сделать. Они никогда не врали друг другу. И начинать было не время.

— Фин, ты уверен, что тебе нужно во Вьетнам?

— «Не спрашивай, что страна может сделать для тебя. Спроси, что ты можешь сделать для страны».

Фрэнки вздохнула. Они с Финли боготворили президента Кеннеди. Его слова много для них значили. Разве она могла возразить?

— Знаю, но...

— Да это не опасно, Фрэнки. Поверь. Я выпускник Военно-морской академии. Спокойно отслужу на корабле и вернусь, ты и соскучиться не успеешь.

Все говорили одно и то же: коммунизм — зло, которое нужно остановить; идет холодная война; время сейчас опасное. Если даже великого Кеннеди среди бела дня застрелил в Далласе какой-то красный, разве может простой американец чувствовать себя в безопасности? Все понимали, что коммунизм не должен

* *Walk Like a Man* (1963) — песня группы *The Four Seasons*. — Здесь и далее примеч. перев. и ред.

пустить корни в Азии и что во Вьетнаме с ним надо покончить. В вечерних новостях крутили сюжеты про американских солдат — они маршировали по вьетнамским джунглям, улыбались журналистам и показывали большие пальцы. Никакого кровопролития.

Финли обнял ее.

— Я буду скучать, бусинка, — сказал он и запнулся.

Она поняла — он боится. Все это время он скрывал страх — от нее или от самого себя?

Фрэнки вдруг накрыла тревога, которую она подавляла весь вечер. Сил держаться больше не было. Настало время посмотреть правде в глаза.

Ее брат уходит на войну.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Следующие полгода Фрэнки писала брату каждое воскресенье. В ответ она получала забавные рассказы о его жизни на корабле и выходках других моряков. А еще открытки с изумрудными джунглями, синим морем и белоснежными песчаными пляжами. Финли писал о вечеринках в офицерском клубе, о барах на крышах Сайгона и о знаменитостях, которые выступают для солдат.

Пока брат отдавал долг стране, Фрэнки усердствовала в учебе и с отличием окончила колледж раньше срока. Получив диплом медсестры, она сразу устроилась на работу — стала выходить на ночные смены в больнице рядом с Сан-Диего. Вскоре она начала подумывать о том, чтобы съехать от родителей и снять собственное жилье. Неделю назад она написала об этом Финли.

Только представь, Фин. Свой уголок рядом с пляжем. Где-нибудь в Санта-Монике. Нам было бы так весело...

Этой холодной ноябрьской ночью в коридорах больницы было тихо. Фрэнки в накрахмаленной белой форме и чепце поверх пышной прически проследовала за дежурной медсестрой в палату, куда никогда не приходили посетители, не приносили цветы. Там лежала совсем юная девушка. По дороге Фрэнки в очередной раз объяснили ее обязанности.

— Старшекласница из приюта Святой Анны, — сказала дежурная медсестра и почти беззвучно добавила: *ребенок* — как будто само слово было грехом.

Все знали, что приют Святой Анны — обитель незамужних матерей, но о таком старались не говорить, девочки внезапно

пропадали из школы, а потом возвращались через несколько месяцев, тихие и нелюдимые.

— Капельница почти закончилась. Я могла бы...

— Господи боже, мисс Макграт, вам еще рано. Сколько вы здесь? Неделю?

— Две, мэм. Я дипломированная медсестра. Мои оценки...

— ...никого не интересуют. Важен опыт, которого у вас нет. Ваше дело — менять утки, наливать воду в графины и водить пациентов в туалет. Я сообщу, когда ваши полномочия расширятся.

Фрэнки тихо вздохнула. Она упорно училась, даже выпустилась досрочно — но не для того, чтобы выносить судна и поправлять пациентам подушки. Разве так она наберется опыта для работы в первоклассной больнице?

— Пройдите по палатам и проверьте капельницы. Да поскорее.

Фрэнки кивнула и отправилась на обход.

Было почти три, когда она вошла в палату номер сто семь.

Она тихо открыла дверь, опасаясь разбудить пациента.

— Пришли поглазеть?

Фрэнки замерла, не зная, что ответить.

— Я зайду позже...

— Оставайтесь. Пожалуйста.

Фрэнки закрыла дверь и подошла к кровати. Лицо у парня было бледным и вытянутым, светлые волосы торчали в разные стороны, над верхней губой клочками росли усы. Его можно было бы принять за юного серфера с пляжа Треслс, если бы не инвалидное кресло в углу комнаты.

Под белым одеялом проглядывали очертания ног — точнее, одной ноги.

— Да ладно, смотрите, — сказал он, — не смотреть все равно не получится. Кто пройдет мимо такого зрелища?

— Я вам помешала, — Фрэнки хотела развернуться и уйти.

— Не уходите. Меня скоро упекут в психушку за попытку самоубийства. Принудительная госпитализация — или как эта хрень называется? Типа они знают, о чем я думаю. Может, вы последний нормальный человек, которого я вижу.

Фрэнки неуверенно приблизилась, проверила капельницу, затем сделала пометку в его карте.

— Лучше бы я застрелился, — сказал парень.

Фрэнки не знала, что в таких случаях говорят. Она впервые встретила человека, который пытался покончить с собой. Спрашивать, почему он это сделал, казалось невежливым, но и молчать тоже.

— Я отмотал там триста сорок дней. Думал, наконец-то свобода. Но быть дембелем еще хуже... Вьетнам, — добавил он, увидев замешательство на лице Фрэнки. — Джилли... моя девушка, она постоянно писала мне любовные письма, а потом я наступил на мину и мне оторвало ногу. — Он посмотрел вниз. — Она сказала, что я адаптируюсь, просто нужно время. И я пытаюсь...

— Ваша девушка так сказала?

— Да нет. Медсестра из Двенадцатого эвакогоспиталя. Без нее я бы откинулся. Она была рядом, пока я охреневал от этого дерьма. — Он в упор посмотрел на Фрэнки и потянулся к ее руке. — Мэм, побудете здесь, пока я не засну? Мне... снятся кошмары.

— Конечно, солдат. Я никуда не уйду.

Он уже спал, а Фрэнки все держала его за руку. Она думала о Финли, о его письмах каждую неделю, об этих смешных историях и красивых открытках. *Привет, рыбка, здесь столько шелка и украшений. Мама бы скупилась все вокруг. И черт, моряки умеют веселиться.* Он постоянно писал, что война скоро кончится. Уолтер Кронкайт из вечерних новостей говорил то же самое.

Но война все продолжалась.

Мужчины умирали. Становились инвалидами.

Медсестра из Двенадцатого эвакогоспиталя. Без нее я бы откинулся.

Фрэнки никогда не думала о медсестрах во Вьетнаме, в газетах о них ничего не писали. Никто вообще не говорил о женщинах на войне.

Женщины тоже могут быть героями.

Фрэнки словно очнулась, в ней зарождалось новое отчаянное устремление.

— Я тоже могу служить своей стране, — сказала она спящему парню, руку которого все еще держала.

Мысль была мятежной, пугающей и такой пьянящей.

Но может ли она?

Как узнать, достанет ли тебе сил и мужества? Особенно если ты девушка из хорошей семьи, которую жизнь никогда не проверяла на прочность.

Она закрыла глаза и представила, как сообщает родителям, что поступила во флот и отправляется во Вьетнам, как пишет Финли письмо: «Барабанная дробь! Я в составе ВМС, скоро буду во Вьетнаме! До встречи!»

Если сделать все прямо сейчас, они и правда скоро встретятся. Там, во Вьетнаме.

На стене героев появится ее фотография — не за удачное замужество. А за спасение жизней на войне.

Родители будут гордиться ею так же, как гордятся Финли. Всю жизнь ей говорили, что военная служба — семейный долг.

Подожди.

Подумай, Фрэнки. Это может быть опасно.

Но ей не было страшно. На корабле-госпитале она будет далеко от боевых действий.

Когда она отпустила руку спящего солдата, решение уже было принято.

Всю неделю Фрэнки как одержимая планировала этот выходной, о своих намерениях она никому не рассказывала и советов не просила. Она говорила себе притормозить и еще раз обо всем подумать, но правда была в том, что она давно все решила и никто уже не мог ее остановить.

Фрэнки быстро приняла душ и вернулась в спальню. Комната была точно такой же, как в детстве, — кровать с балдахинем и рюшами, пушистый ковер, розы на полосатых обоях. Она надела строгое, элегантное платье — одно из тех, что купила ей мама. *Хорошие вещи, Фрэнсис, — вот что отличает приличную женщину.*

Как она и предполагала, дома в это время никого не было. Мама играла в бридж в загородном клубе, а папа был на работе.

В час двадцать пять Фрэнки подъехала к ближайшему призывному пункту ВМС, рядом с ним стояла кучка протестующих с плакатами в руках: «Война убивает детей и все живое, бомбить ради мира — как трахаться ради девственности».

Под одобрительные крики толпы двое длинноволосых парней сжигали свои повестки (что вообще-то было незаконно). Фрэнки не понимала протестующих. Неужели они думают, что пара плакатов заставит президента Джонсона закончить войну? Разве не понимают, что если во Вьетнаме победят коммунисты, та же участь ждет всю Юго-Восточную Азию? Разве они не читали, каким жестоким может быть этот режим?

Фрэнки почувствовала себя белой вороной, как только вышла из машины. Она крепче сжала в руках дорогую темно-синюю сумочку из телячьей кожи. Народ скандировал: «Нет войне! Нет войне!»

Вдруг толпа развернулась к ней и затихла.

— Сраная республиканка! — выкрикнул кто-то.

Фрэнки заставила себя идти дальше.

— Черт, — раздался другой голос. — Девка совсем спятила.

— Куда ты идешь, дура!

Фрэнки открыла дверь призывного пункта. На стене висел плакат: «Будь патриотом, вступи в ВМС». Рядом за стойкой стоял моряк в форме.

Фрэнки подошла к нему.

Протестующие барабанили в окно. Она пыталась держаться спокойно и невозмутимо.

— Я медсестра, — сказала она, не обращая внимания на крики снаружи. — Хочу записаться добровольцем во Вьетнам.

Моряк нервно покосился на толпу за окном.

— Сколько вам лет?

— Двадцать, сэр. На следующей неделе будет двадцать один.

— По нашим правилам вы должны отработать два года в больнице штата, только после этого мы можем отправить вас во Вьетнам.

Два года. За это время война уже кончится.

— Вам не нужны медсестры?

- Очень нужны.
- Мой брат во Вьетнаме. Я... хочу помочь.
- Простите, мэм. Правила есть правила. Это для вашей же безопасности, поверьте.

Фрэнки расстроилась, но не пала духом. Она вышла из призывного пункта, почти бегом проскочила мимо протестующих, которые выкрикивали ей вслед ругательства, а затем зашла в телефонную будку и отыскала в справочнике Лос-Анджелеса адрес ближайшего отделения военно-воздушных сил.

Там ей сказали то же самое — прежде чем отправляться во Вьетнам, наберитесь опыта здесь.

В отделении сухопутных войск она наконец услышала то, что хотела: «Конечно, мэм. Корпусу армейских медсестер нужны лишние руки. Вас отправят сразу после основной подготовки».

Фрэнки поставила свою подпись и вот так запросто стала младшим лейтенантом Фрэнсис Макграт.